

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-227-235

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

ЧЕРЕДНИЧЕНКО Александра Владимировна,
студент 1 курса направления «юриспруденция» (40.04.01)
образовательной программы «Российская уголовная юстиция»
юридического института Национального исследовательского
Томского государственного университета, г. Томск,
e-mail: cerednicenkosasha05@gmail.com

**ПОНЯТИЕ «ВМЕШАТЕЛЬСТВО» В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО
СТАТЬЕЙ 294 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

Аннотация. Статья посвящена содержанию понятия «вмешательство» как признака объективной стороны преступлений, предусмотренных статьей 294 Уголовного кодекса Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена тем, что законодатель использует формулировку «вмешательство в какой бы то ни было форме», не раскрывая её содержания, тогда как современная судебная практика относит к вмешательству как непосредственное воздействие на судью, так и уничтожение, изъятие и сокрытие материалов дела, воспрепятствование изъятию доказательств и иные действия. Цель работы состоит в выявлении границ уголовно наказуемого вмешательства и формулировании критериев, позволяющих отделить его от правомерного процессуального поведения, дисциплинарного проступка и иных нарушений. В работе исследованы положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, правовые позиции Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации, современная научная литература, а также судебные акты 2024–2026 гг. Обосновывается, что специальная цель, хотя и ограничивает сферу применения статьи 294 УК РФ, сама по себе не устраняет неопределенность объективной стороны.

Ключевые слова: воспрепятствование правосудию, вмешательство, статья 294 УК РФ, судебная практика, объективная сторона преступления, преступления против правосудия.

CHEREDNICHENKO Alexandra Vladimirovna,
1st year law student (40.04.01) of the educational program "Russian
Criminal Justice" of the Law Institute of the National Research Tomsk
State University, Tomsk

**THE CONCEPT OF "INTERFERENCE" IN THE COMPOSITION OF THE CRIME PROVIDED
FOR IN ARTICLE 294 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION:
PROBLEMS OF INTERPRETATION AND JUDICIAL PRACTICE**

Annotation. The article is devoted to the content of the concept of "interference" as a characteristic of the objective side of crimes provided for in Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the fact that the legislator uses the wording "interference in any form whatsoever" without revealing its content, whereas modern judicial practice classifies as interference both direct influence on a judge and the destruction, seizure, and concealment of case materials, obstruction of the seizure of evidence, and other actions. The aim of the work is to identify the boundaries of criminally punishable interference and to formulate criteria that allow it to be distinguished from lawful procedural conduct, disciplinary misconduct, and other violations. The work examines the provisions of criminal and criminal procedural legislation, the legal positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation, modern scientific literature, as well as judicial acts from 2024–2026. It is substantiated that the special purpose, although it limits the scope of application of Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation, does not in itself eliminate the uncertainty regarding the objective side.

Key words: obstruction of justice, interference, Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial practice, objective side of the crime, crimes against justice.

Статья 294 УК РФ относится к числу норм, в которых законодатель использует оценочную конструкцию. В частях 1 и 2 уголовная ответственность связывается с «вмешательством в какой бы то ни было форме» соответственно в деятельность суда либо прокурора, следователя и лица, производящего дознание [2]. При этом сам термин «вмешательство» в уголовном законе не определяется, а перечень возможных способов его совершения отсутствует.

Такое построение нормы позволяет охватывать разнообразные способы противодействия правосудию, однако одновременно создает риск чрезмерно широкого толкования. Практика последних лет показывает, что под вмешательством понимаются не только просьбы, требования, угрозы или давление на судью, но и действия с материалами дела, доказательствами и техническими носителями, сокрытие томов уголовного дела, воспрепятствование изъятию мобильного телефона, вскрытие закрытых материалов о засекреченном свидетеле [17; 15–21]. В результате один и тот же термин используется для описания внешне и юридически существенно различающихся форм поведения.

Вопрос особенно актуален потому, что составы частей 1 и 2 ст. 294 УК РФ, являются формальными. Для окончания преступления не требуется установления фактического срыва судебного разбирательства или расследования. Верховный Суд РФ указал, что последующее восстановление уничтоженных документов не исключает состава преступления [7]. Следовательно, чем шире понимается само вмешательство, тем дальше отодвигается граница уголовной ответственности.

Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о конституционности ч. 1 ст. 294 УК РФ, в Определении от 28 марта 2024 г. № 821-О отметил, что статья не содержит неопределенности, поскольку ответственность предусмотрена не за любые действия, а лишь за действия с прямым умыслом и специальной целью воспрепятствования правосудию [5]. Эта позиция важна, однако она, прежде всего, характеризует субъективную сторону. Практическая проблема остается на уровне объективной стороны: какие именно действия обладают необходимыми свойствами «вмешательства», если специальная цель сама по себе не превращает всякое недобросовестное или незаконное поведение в преступление против правосудия.

Степень научной разработанности темы в последние годы заметно возросла. Д.Д. Харламов на основе судебной выборки систематизировал типичные способы воспрепятствования, вопросы окончания преступления и его соотношения со смежными составами [18, с. 66]. Е.А. Мельников

обратил внимание на «эластичность» ст. 294 УК РФ и проблему чрезмерно широкого охвата разнохарактерных деяний [19, с. 244], а в последующей работе проанализировал конкуренцию данной нормы с иными составами преступлений [20, с. 241]. Д.А. Лыков исследовал особенности воздействия на судью как способа воспрепятствования [21, с. 232]. Одновременно обзор ФПА РФ 2025 г. показывает значительный массив решений, в которых ст. 294 УК РФ применяется к уничтожению, повреждению, похищению и изменению материалов дела [17].

Цель настоящей статьи состоит в разработке уголовно-правовых критериев понятия «вмешательство» для целей ст. 294 УК РФ на основе действующего законодательства, доктрины и актуальной судебной практики. Для ее достижения необходимо определить нормативное содержание данного понятия; установить основные модели вмешательства, сформировавшиеся в судебной практике; выявить границы между уголовно наказуемым и иным поведением; оценить возможность совершения вмешательства путем бездействия; сформулировать авторское определение и предложения для правоприменения. Использованы формально-юридический, системный и сравнительный методы, а также качественный анализ судебных актов. Выборка судебных решений используется для выявления типовых моделей толкования, а не для статистической оценки распространенности преступления.

Нормативное содержание понятия «вмешательство»

Конституционная основа запрета вмешательства состоит в принципе независимости судей. В соответствии со ст. 120 Конституции РФ судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону [1]. Статья 8.1 УПК РФ устанавливает, что уголовные дела должны рассматриваться в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей; вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет установленную законом ответственность [3].

Более содержательный ориентир закреплен в ст. 10 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации». Закон запрещает внепроцессуальное обращение к судье по делу, находящемуся в его производстве, и определяет такое обращение как обращение, не предусмотренное законодательством, либо обращение участника разбирательства в форме, не установленной процессуальным законом [4]. Для ч. 1 ст. 294 УК РФ это позволяет сформулировать первый важный вывод: уголовно наказуемое вмешательство не

должно отождествляться с правомерным процессуальным воздействием на суд. Ходатайство, жалоба, отвод, представление доказательств или правовая позиция стороны направлены на убеждение суда, но составляют сущность состязательного судопроизводства.

Вместе с тем, понятие вмешательства в ст. 294 УК РФ шире внепроцессуального обращения. Современная практика относит к нему действия, которые вообще не адресованы судье или следователю лично: изъятие диска из гражданского дела, уничтожение листов или тома дела, вскрытие конверта со сведениями о засекреченном свидетеле, удержание предмета, который следователь намерен изъять [17–20]. Поэтому сведение вмешательства исключительно к психологическому или властному воздействию на должностное лицо уже не соответствует правоприменению.

В действующей модели ст. 294 УК РФ сформировались две самостоятельные разновидности вмешательства. Первая – персональное вмешательство, при котором воздействие направлено непосредственно на носителя процессуальных полномочий: судью, прокурора, следователя или дознавателя. Оно может выражаться в требованиях, просьбах, угрозах, использовании административной зависимости, обращении через родственников или иных посредников. Вторая – функциональное вмешательство, направленное не на волю должностного лица, а на материальные, информационные или организационные условия конкретного производства: доказательства, процессуальные документы, носители информации, охраняемые сведения и иные элементы, без которых нормальное движение дела затрудняется.

Такое разграничение позволяет объяснить единой уголовно-правовой категорией внешне различные ситуации. При персональном вмешательстве нарушается свобода формирования процессуального решения. При функциональном вмешательстве виновный создает препятствие самой возможности осуществлять процессуальную деятельность в установленном порядке. Объект охраны остается общим – независимая и нормальная деятельность правосудия или предварительного расследования.

Судебная практика: персональное и функциональное вмешательство

Наиболее близкой к традиционному пониманию вмешательства является практика непосредственного давления на судью. Показательным является апелляционное постановление Московского областного суда от 24 февраля 2025 г. № 22-1500/2025 по делу № 1-533/2024. Осужденный неоднократно звонил судье арбитражного суда и ее супругу, направлял сообщения,

требовал изменить отношение к находившемуся в производстве делу и добивался принятия решения в пользу заинтересованного лица. Суд подчеркнул, что вмешательство может быть прямым и косвенным, устным, письменным или иным; значение имеет направленность воздействия на принятие определенного решения [9]. Кроме того, суд связал уголовно наказуемость поведения с положениями ст. 10 Закона о статусе судей о недопустимости внепроцессуального обращения [4; 9]. Тем самым выявляется критерий, отсутствующий непосредственно в тексте ст. 294 УК РФ: воздействие должно быть неправомерным по способу реализации. Само по себе стремление участника добиться выгодного судебного решения правомерно, пока оно осуществляется предусмотренными законом процессуальными средствами.

Другую разновидность персонального вмешательства демонстрирует апелляционное постановление Пензенского областного суда от 16 сентября 2025 г. № 22-648/2025. В деле речь шла об использовании служебного положения: исполняющий обязанности председателя вышестоящего суда через председателя районного суда добивался назначения конкретному подсудимому более мягкого наказания. Апелляция оставила квалификацию по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 294 УК РФ без изменения [10].

Сопоставление этих дел показывает, что содержание персонального вмешательства определяется не статусом виновного и не результатом воздействия, а посягательством на свободное формирование судебной воли по конкретному делу. Частное лицо воздействовало посредством телефонных сообщений и через супруга судьи, должностное лицо – посредством служебной иерархии. В обоих случаях уголовно-правовое значение вмешательства не зависело от того, подчинился ли судья предъявленным требованиям.

Наиболее значительный массив современной практики связан не с воздействием на судью или следователя, а с действиями в отношении материалов производства. Обзор Федеральной палаты адвокатов РФ от 24 июня 2025 г. объединяет многочисленные кассационные и апелляционные решения об уничтожении, повреждении, похищении и изменении материалов дела [17]. Именно эта практика показывает, что термин «вмешательство» фактически получил функциональное содержание.

Принципиальная правовая позиция была сформулирована Верховным Судом РФ в кассационном определении от 14 февраля 2023 г. № 45-УДП23-5-К7. Обвиняемый разорвал переданные ему процессуальные документы. Апелляционная и кассационная инстанции исходили, в частности, из возможности их быстрого восстановления

и эмоционального характера поведения. Верховный Суд отменил эти решения, указав, что уничтожение процессуальных документов, составляющих часть материалов уголовного дела, может образовывать объективную сторону вмешательства; мотив юридического значения для такой квалификации не имеет, а формальный состав не предполагает обязательного наступления последствий [7].

Ярославский областной суд 15 июля 2024 г. признал вмешательством изъятие DVD-R диска из материалов гражданского дела. Суд специально отметил, что решающего значения не имеет спор о доказательственном значении диска: противоправное изъятие предмета, представленного стороной как доказательство, лишает суд возможности самостоятельно оценить его относимость и допустимость [11]. В этом случае вмешательство направлено не на волю судьи, а на доказательственную основу судебной деятельности.

Похожую позицию занял Самарский областной суд в апелляционном постановлении от 4 сентября 2025 г. № 22-4843/2025. Квалификация по ст. 294 УК РФ была связана с похищением и уничтожением тома уголовного дела; суд не признал последующее восстановление материалов обстоятельством, устраняющим состав преступления [12]. Таким образом, восстановимость объекта сама по себе не исключает вмешательства.

В апелляционном постановлении Московского областного суда от 10 сентября 2025 г. № 22-7569/2025 границы функционального вмешательства были применены к действиям защитника. Адвокат во время следственного действия забрала телефон подозреваемого, который следователь намеревался изъять, удерживала его, сообщала недостоверные сведения о принадлежности устройства и отказывалась выполнить требование о передаче. Суд признал эти действия вмешательством в деятельность следователя, поскольку телефон имел значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а поведение было направлено на воспрепятствование его изъятию и исследованию [13]. Здесь предмет воздействия еще не являлся частью сформированного тома уголовного дела, однако был потенциальным доказательством.

Еще один пример содержится в приговоре Ленинского районного суда г. Владивостока от 3 марта 2026 г. № 1-129/2026 (1-630/2025). Во время ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемые вскрыли запечатанный конверт со сведениями о личности засекреченного свидетеля; одному из обвиняемых также вменялся эпизод с повреждением материалов дела. Суд исходил из того, что вмешательство в деятельность следователя окончено с момента совершения соответ-

ствующих действий, независимо от достижения конечной цели [16]. Этот пример показывает, что функциональное вмешательство может быть направлено не только на сохранность материалов, но и на установленный законом режим доступа к информации.

Следовательно, современная практика фактически сформировала широкий функциональный подход: объектом непосредственного воздействия могут выступать документы, вещественные и электронные доказательства, тома дела, конфиденциальная информация и иные элементы процессуальной среды. Такой подход соответствует задаче уголовно-правовой охраны правосудия, но нуждается в ограничительных критериях. Иначе формула «в какой бы то ни было форме» способна охватить любое нарушение порядка обращения с материалами независимо от его реальной связи с осуществлением правосудия.

Говоря о границах уголовно наказуемого вмешательства, стоит отметить, что ограничительные критерии особенно наглядно проявляются в судебных актах, в которых суд отказался признать отдельное поведение вмешательством. В апелляционном постановлении Тверского областного суда от 2 декабря 2025 г. № 22-1/2025, 22-1191/2024 была подтверждена оправдательная часть приговора по эпизоду, связанному с направлением в суд выписки из листа нетрудоспособности. Суд указал, что само направление такого документа не препятствовало рассмотрению дела по существу и не представляло собой конкретных действий, направленных на требование решить дело определенным образом [14].

Данный пример имеет существенное методологическое значение. Если исходить исключительно из субъективной цели лица или из факта возникновения процессуальной задержки, границы ст. 294 УК РФ становятся чрезмерно широкими. Суд фактически потребовал установить объективное качество поведения – его способность выступать именно вмешательством в самостоятельную процессуальную деятельность. Такой подход согласуется с принципом уголовной ответственности за деяние, а не за намерение.

В Определении от 28 марта 2024 г. № 821-О Конституционный Суд РФ отметил, что ст. 294 УК РФ не предусматривает ответственность за любые действия, поскольку обязательны прямой умысел и специальная цель [5]. С этой позицией следует согласиться, но ее необходимо дополнить: специальная цель является обязательным, однако не достаточным условием. Лицо может желать затянуть разбирательство либо добиться определенного результата, но если используемый им способ представляет законное процессуальное средство – например, мотивированное хода-

тайство, жалобу или отвод, – объективная сторона ст. 294 отсутствует.

Иное решение означало бы смешение уголовно наказуемого вмешательства с реализацией права на судебную защиту. Даже недобросовестное использование отдельного процессуального правомочия не должно автоматически квалифицироваться по ст. 294 УК РФ. Уголовная ответственность возможна тогда, когда лицо совершает действие, не охватываемое содержанием предоставленного процессуального права, и такое действие объективно посягает на независимое принятие решения либо на нормальное движение конкретного производства.

Особую проблему представляет малозначительность. Формальный состав не требует наступления последствий, однако это не означает, что объективная способность причинить вред охраняемым отношениям вообще не имеет значения. Противоположное толкование превращает ст. 294 УК РФ в норму об ответственности за любое нарушение порядка, совершенное с неблагоприятной целью. Поэтому для признания вмешательства необходимо устанавливать хотя бы объективную пригодность поведения создать препятствие правосудию или расследованию. Реальный срыв процесса не обязателен, но действие должно быть способно нарушить независимость решения, сохранность доказательственной базы, установленный режим доступа к материалам либо иной существенный элемент производства.

Такой критерий не противоречит позиции Верховного Суда о формальном составе. В деле, рассмотренном Верховным Судом в 2023 г., восстановимость разорванных документов не исключала состава, потому что их уничтожение по своей природе было способно нарушить нормальный ход расследования [7]. Аналогично изъятие диска или тома дела сохраняет характер вмешательства даже при последующем восстановлении материалов [19, с. 244; 20, с. 242]. Следовательно, речь идет не о фактически наступившем вреде, а об объективной направленности и пригодности действия.

Отдельный дискуссионный вопрос связан с возможностью совершения преступления путем бездействия. В доктрине представлены противоположные позиции. Часть авторов исходит из буквального содержания слова «вмешательство» и связывает его с активным поведением; другие допускают бездействие, если лицо, обладая соответствующей обязанностью, намеренно не совершает действие и тем самым препятствует осуществлению правосудия.

В исходном исследовании по ст. 294 УК РФ показателен апелляционный приговор Санкт-Петербургского городского суда от 21 ноября 2018 г. № 22-6645/2018 по делу № 1-851/2018: пер-

вая инстанция связывала ст. 294 УК РФ с умышленным неизготовлением протокола судебного заседания, однако апелляция исходила из того, что объективная сторона данного преступления характеризуется действиями [15]. Хотя судебный акт не относится к числу новейших, спор не утратил значения, поскольку действующая редакция статьи также не содержит прямого указания на бездействие.

Представляется, что расширительное включение чистого бездействия в понятие «вмешательство» требует особой осторожности. Уголовный закон использует термин, предполагающий активное вторжение в чужую деятельность. Если специальный субъект не выполняет возложенную на него служебную или процессуальную обязанность, такое поведение может причинить серьезный вред правосудию, но вопрос о его квалификации должен решаться с учетом норм о должностных и иных специальных преступлениях, а не посредством расширительного толкования ст. 294 УК РФ.

Исключением могут быть ситуации, когда внешне пассивное поведение является частью более широкого активного способа воздействия: например, должностное лицо использует организационные полномочия для намеренного блокирования передачи материалов, хотя формально отдельный эпизод выражается в непредоставлении документа. Однако и в таком случае уголовно-правовая оценка должна опираться на установленные активные элементы использования полномочий, а не на само неисполнение обязанности.

Проведенный анализ позволяет предложить систему критериев, которые должны устанавливаться в совокупности при решении вопроса о наличии вмешательства по ст. 294 УК РФ.

Во-первых, поведение должно быть неправомерным и выходить за пределы содержания законно предоставленного процессуального права. Этот критерий особенно важен для разграничения вмешательства и состязательной процессуальной деятельности. Правомерная жалоба, ходатайство, отвод или представление доказательств не образуют вмешательства независимо от настойчивости участника и нежелательности его позиции для суда или следствия.

Во-вторых, необходимо установить связь с конкретной процессуальной деятельностью. Для ч. 1 ст. 294 УК РФ вмешательство должно затрагивать осуществление правосудия по конкретному делу или материалу, а для ч. 2 – конкретное расследование. Абстрактное недовольство работой судебной или правоохранительной системы не отвечает этому признаку.

В-третьих, действие должно быть объективно способным повлиять на независимое формирование процессуального решения либо со-

здать препятствие нормальному движению дела. Такой критерий охватывает обе выявленные модели: персональную и функциональную. При персональном вмешательстве воздействие направляется на волю должностного лица; при функциональном – на доказательства, материалы, информацию или организационные условия производства.

В-четвертых, должен существовать уголовно-правовой разрыв между вмешательством и обычным нарушением порядка. Сам факт повреждения документа, конфликта в кабинете следователя, подачи недостоверного документа или нарушения регламента еще не достаточен. Необходимо установить связь поведения с охраняемой деятельностью и его объективную пригодность препятствовать ей.

В-пятых, обязательна специальная цель, прямо предусмотренная ст. 294 УК РФ. Для ч. 1 это воспрепятствование осуществлению правосудия, для ч. 2 – воспрепятствование всестороннему, полному и объективному расследованию дела. При этом мотив может быть различным и самостоятельного квалифицирующего значения не имеет, что следует из позиции Верховного Суда РФ [7].

С учетом указанных признаков под вмешательством для целей ст. 294 УК РФ предлагается понимать умышленное неправомерное воздействие на суд, прокурора, следователя, дознавателя либо на материальные, информационные или организационные условия конкретного производства, не охватываемое содержанием законно предоставленного процессуального права и объективно способное нарушить независимое принятие процессуального решения или нормальное движение дела, совершаемое со специальной целью, предусмотренной частями 1 или 2 данной статьи.

Такое определение, на мой взгляд, лучше отражает современную судебную практику, чем традиционная формула об «оказании воздействия на судью или следователя». Оно охватывает уничтожение и изъятие материалов, вмешательство в режим охраняемой информации и воспрепятствование изъятию доказательств, но одновременно исключает автоматическую криминализацию процессуально допустимого поведения.

Представляется нецелесообразным помещать развернутое определение непосредственно в диспозицию ст. 294 УК РФ. Конституционный Суд РФ признал данную норму не противоречащей требованию определенности [5], а чрезмерная детализация способна сузить защитную функцию статьи. Более эффективным решением было бы специальное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по применению ст. 294 УК РФ. В нем целесообразно: закрепить две основные

модели вмешательства – персональную и функциональную; указать, что правомерная реализация процессуальных прав вмешательством не является; сформулировать критерий объективной способности деяния создать препятствие правосудию или расследованию при отсутствии необходимости фактического наступления последствий; разъяснить подход к бездействию; привести ориентиры разграничения со ст. 285, 286, 296, 297, 298.1 и 303 УК РФ.

Необходимость таких разъяснений подтверждается современной литературой. Д.А. Лыков указывает на отсутствие достаточных ориентиров относительно того, какие способы воздействия на судью являются уголовно наказуемым вмешательством [21, с. 232]. Е.А. Мельников характеризует объективную сторону ст. 294 УК РФ как «эластичную» [19, с. 244], а Д.Д. Харламов фиксирует формирование судебных подходов преимущественно через разрешение конкретных дел [18, с. 65]. Предлагаемые критерии направлены на систематизацию именно этой практики. Таким образом, подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что понятие «вмешательство» в современной практике ст. 294 УК РФ существенно шире непосредственного давления на судью, прокурора, следователя или дознавателя. Судебные акты 2024-2026 гг. позволяют выделить персональную и функциональную модели вмешательства.

Персональная модель выражается в неправомерном воздействии на лицо, принимающее процессуальное решение, включая прямые и косвенные требования, обращения через третьих лиц и использование служебной зависимости. Функциональная модель охватывает воздействие на процессуальные условия деятельности: уничтожение и изъятие материалов дела, препятствование получению доказательств, незаконный доступ к охраняемым материалам и иные действия, объективно затрудняющие нормальное движение производства.

Установлено, что формальный характер состава не устраняет необходимости объективного ограничения понятия вмешательства. Фактическое наступление последствий не требуется, однако действие должно быть объективно способным создать препятствие охраняемой деятельности. Специальная цель, предусмотренная ст. 294 УК РФ, является необходимым, но не достаточным условием уголовной ответственности.

Статья 294 УК РФ выполняет важную функцию защиты независимости суда и нормальной деятельности органов предварительного расследования. Вместе с тем, «вмешательство в какой бы то ни было форме» неизбежно требует судебного толкования. Современная практика показывает, что данный термин охватывает суще-

ственно более широкий круг действий, чем непосредственное воздействие на должностное лицо.

Суды признают вмешательством как давление на судью, в том числе посредством третьих лиц и служебной иерархии, так и действия с процессуальными материалами, доказательствами и охраняемой информацией. При этом восстановление уничтоженного документа или отсутствие фактического изменения судебного решения не устраняют состава, поскольку преступление имеет формальную конструкцию [7; 18, с. 65; 20, с. 242]. Одновременно практика содержит важные ограничители. Не всякое действие, повлекшее задержку или осложнение производства, является вмешательством. Правомерная процессуальная деятельность должна оставаться за пределами ст. 294 УК РФ, а само деяние должно быть объективно способно нарушить независимое принятие решения либо нормальное движение конкретного дела [17; 14]. Предлагаемое понимание вмешательства через совокупность неправомерности, связи с конкретным производством, объективной способности препятствовать процессуальной деятельности и специальной цели позволяет согласовать широкий текст уголовного закона с принципом правовой определенности.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
- [3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
- [4] Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 09.04.2026) «О статусе судей в Российской Федерации». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.
- [5] Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 821-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Калачиковой Елены Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 294 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=469680&moduleId=7> (дата обращения: 03.10.2026).
- [6] Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2024 № 2950-О [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29102024-n-2950-o/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [7] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.02.2023 № 45-УДП23-5-К7 [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2212102 (дата обращения: 03.10.2026).
- [8] Методические рекомендации Федеральной службы судебных приставов по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 294 Уголовного кодекса Российской Федерации (воспрепятствование осуществлению правосудия) от 05.04.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70055070/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [9] Апелляционное постановление Московского областного суда от 24.02.2025 № 22-1500/2025 по делу № 1-533/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pGC0OVAqLFHj/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [10] Апелляционное постановление Пензенского областного суда от 16.09.2025 № 22-648/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zA94CzgLecrG/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [11] Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 15.07.2024 № 22-1461/2024 по делу № 1-53/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1IOzLfmXPPbX/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [12] Апелляционное постановление Самарского областного суда от 04.09.2025 № 22-4843/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aoml3B9LgILP/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [13] Апелляционное постановление Московского областного суда от 10.09.2025 № 22-7569/2025 по делу № 1-51/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HGDXCRLwuoK/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [14] Апелляционное постановление Тверского областного суда от 02.12.2025 № 22-1/2025, 22-1191/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TMXXWQIDk6b8/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [15] Апелляционный приговор Санкт-Петербургского городского суда от 21.11.2018 № 22-6645/2018 по делу № 1-851/2018.
- [16] Приговор Ленинского районного суда г. Владивостока от 03.03.2026 № 1-129/2026 (1-630/2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nF0u0dcaz9rn/> (дата обращения: 03.10.2026).
- [17] Лямин А. Обзор судебной прак-

тики по ст. 294 УК РФ (воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования) // Федеральная палата адвокатов РФ. 24.06.2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzorsudebnoy-praktiki-po-st-294-uk-rf-vosprepyatstvovanie-osushchestvleniyu-pravosudiya-i-proizvod/> (дата обращения: 03.10.2026).

[18] Харламов Д. Д. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: подходы, выработанные в судебной практике // Уголовное право. 2025. № 8. С. 63–73. DOI: 10.52390/20715870_2025_8_63..

[19] Мельников Е. А. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (статья 294 Уголовного кодекса Российской Федерации): проблемные вопросы объекта и объективной стороны // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4. С. 243–252. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/4/243-252..

[20] Мельников Е. А. Актуальные вопросы соотношения воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ) с иными составами преступлений // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 2. С. 240–249. DOI: 10.18255/1996-5648-2026-2-240-249..

[21] Лыков Д. А. Некоторые особенности воздействия на судью как способа воспрепятствования осуществлению правосудия // Евразийский юридический журнал. 2025. № 8 (207). С. 332–333.

[22] Коробейников А. А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 163 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[2] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. 04.08.2026). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended 26.07.2026). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[4] Law of the Russian Federation No. 3132-1 dated 26.06.1992 (as amended 09.04.2026) "On

the Status of Judges in the Russian Federation." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[5] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.03.2024 No. 821-О "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kalachikova Elena Yuryevna about violation of her constitutional rights by part one of Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 90 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=469680&moduleId=7> (дата обращения: 03.10.2026).

[6] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.10.2024 No. 2950-О [Electronic resource]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogoSuda-rf-ot-29102024-n-2950-o/> (дата обращения: 03.10.2026).

[7] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.02.2023 No. 45-UDP23-5-K7 [Electronic Resource]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2212102 (access date: 03.10.2026).

[8] Methodological recommendations of the Federal Bailiff Service on the identification and investigation of crimes under Part 1 of Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation (obstruction of justice) from 05.04.2012 [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70055070/> (access date: 03.10.2026).

[9] Appeal ruling of the Moscow Regional Court of 24.02.2025 No. 22-1500/2025 in case No. 1-533/2024 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pGC0OVAqLFHj/> (access date: 03.10.2026).

[10] Appeal ruling of the Penza Regional Court of 16.09.2025 No. 22-648/2025 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zA94CzgLeCrG/> (access date: 03.10.2026).

[11] Appeal ruling of the Yaroslavl Regional Court of 15.07.2024 No. 22-1461/2024 in case No. 1-53/2024 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1IOzLfmXPPbX/> (access date: 03.10.2026).

[12] Appeal ruling of the Samara Regional Court of 04.09.2025 No. 22-4843/2025 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aoml3B9LgILP/> (access date: 03.10.2026).

[13] Appeal ruling of the Moscow Regional Court of 10.09.2025 No. 22-7569/2025 in case No. 1-51/2025 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HGDXCRLwuoK/> (access date: 03.10.2026).

[14] Appeal ruling of the Tver Regional Court of 02.12.2025 No. 22-1/2025, 22-1191/2024 [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/>

doc/TMXXWQIDk6b8/ (access date: 03.10.2026).

[15] Appeal verdict of the St. Petersburg City Court of 21.11.2018 No. 22-6645/2018 in case No. 1-851/2018.

[16] Sentence of the Leninsky District Court of Vladivostok dated 03.03.2026 No. 1-129/2026 (1-630/2025) [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nF0u0dcaz9rn/> (access date: 03.10.2026).

[17] Lyamin A. Review of judicial practice under Art. 294 of the Criminal Code (obstruction of justice and preliminary investigation) // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 24.06.2025 [Electronic Resource]. URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-po-st-294-uk-rf-vospriyatstvovanie-osushchestvleniyu-pravosudiya-i-proizvod/> (дата обращения: 03.10.2026).

[18] D. Kharlamov. Obstruction of justice and preliminary investigation: approaches developed in judicial practice // Criminal law. 2025. № 8. S. 63-73.

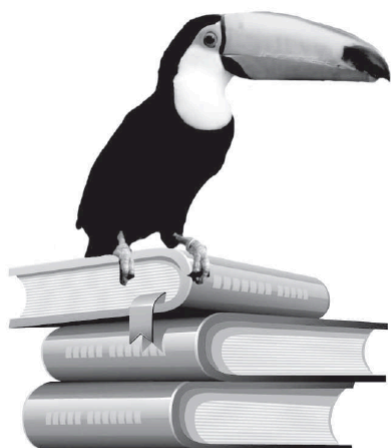
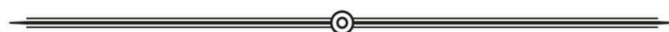
DOI: 10.52390/20715870_2025_8_63..

[19] E. A. Melnikov. Obstruction of Justice and Preliminary Investigation (Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation): problematic issues of the object and objective side // Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2025. № 4. S. 243-252. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/4/243-252..

[20] Melnikov E. A. Topical issues of the ratio of obstruction of justice and the production of a preliminary investigation (Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation) with other corpus delicti // Bulletin of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. Series: Humanities. 2026. T. 20. № 2. S. 240-249. DOI: 10.18255/1996-5648-2026-2-240-249..

[21] Lykov D.A. Some features of influencing a judge as a method of obstruction of justice // Eurasian Law Journal. 2025. № 8 (207). S. 332-333.

[22] Korobeinikov A. A. Criminal liability for obstruction of justice and preliminary investigation: dis.... cand. jurid. sciences. Stavropol, 2003. 163 pp.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.